

Ю. В. Буйнов

Итоги раскопок поселения Студенок-5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры

20-е годы XX в. изюмский краевед Н. В. Сибилёв обнаружил в окрестностях с. Студенок на границе Харьковской и Донецкой областей 12 разновременных поселений [1, с. 19]. Среди них особое место занимает селище Студенок-5, расположенное на песчаной дюне подковообразной формы площадью около 4 га в пойме левого берега Северского Донца. У местных жителей эта дюна известна под названием урочище «Высокие Песочки». Здесь в 1950–1951 и 1955 гг. работала экспедиция под руководством Д. Я. Телегина, раскопавшая необычное для Подонцовья жилище позднего бронзового века [2, с. 75–84; 3, с. 72–79].

Весь этот комплекс достаточно хорошо опубликован автором раскопок, поэтому мы ограничимся только общими характеристиками. Изученное жилище относится к типу наземных построек с углубленным до 0,4 м в материк полом. В плане оно имело прямоугольную форму размером 5×7 м с коридорообразным входом длиной 5 м и шириной 1,5 м, который примыкал к южной стене сооружения (рис. 1). В центре жилища зафиксирован открытый очаг, размещенный в небольшой округлой яме. Судя по расположению столбовых ям, крыша имела двускатную конструкцию. Заполнение котлована черным углистым песком, обожженность и закопченность фрагментов керамики, кремня и костей животных, указывает на гибель этого жилища во время пожара.

Обнаруженные в нем обломки от 10 сосудов были в основном плоскодонными (рис. 2, 2, 3, 6, 7, 10, 15), но не менее четырех из них могли иметь округлое или приостренное дно (рис. 2, 1, 4, 5, 8). Внешняя поверхность керамики хорошо сглажена и только в отдельных случаях отмечены гребенчатые расчесы. Преобладающим мотивом орнамента являются горизонтальные и «елочные» ряды оттисков гребенки в сочетании с продолговатыми или округлыми углублениями. Несколько сосудов оказались украшены «жемчужными» выпуклинами и веревочным орнаментом (рис. 2, 2, 4, 10). Д. Я. Телегин особо обратил внимание на наличие кососетчатых композиций, выполненных оттисками гребенки по «воротничковому» венчику. Прочие находки представлены двумя половинками каменной матрицы для отливки бронзовых кельтов (рис. 2, 14), глиняной льячкой (рис. 2, 11), глиняным соплом, четырьмя точильными брусками, тремя обломками зернотерок, кремневым вкладышем серпа (рис. 2, 12), черешковыми кремневыми наконечниками стрел с треугольной в плане головой (рис. 2, 13), бронзовой колоковидной подвеской (рис. 2, 9) и обломком бронзового прутика.

Д. Я. Телегин отмечал также, что поселения типа Студенок-5 (далее мы будем их называть просто «студенокским типом») имеются у с. Черкасский Бишкин (урочище Сердюково-2) и у с. Петровское (урочище Петровский Бор) на берегах Северского Донца. С самого начала их исследования он не сомневался в том, что в культурном плане они могут быть сопоставимы с памятниками типа Марьяновки на Сейме и Малых Будок на Суле, а керамический комплекс из Студенка имеет генетическую связь

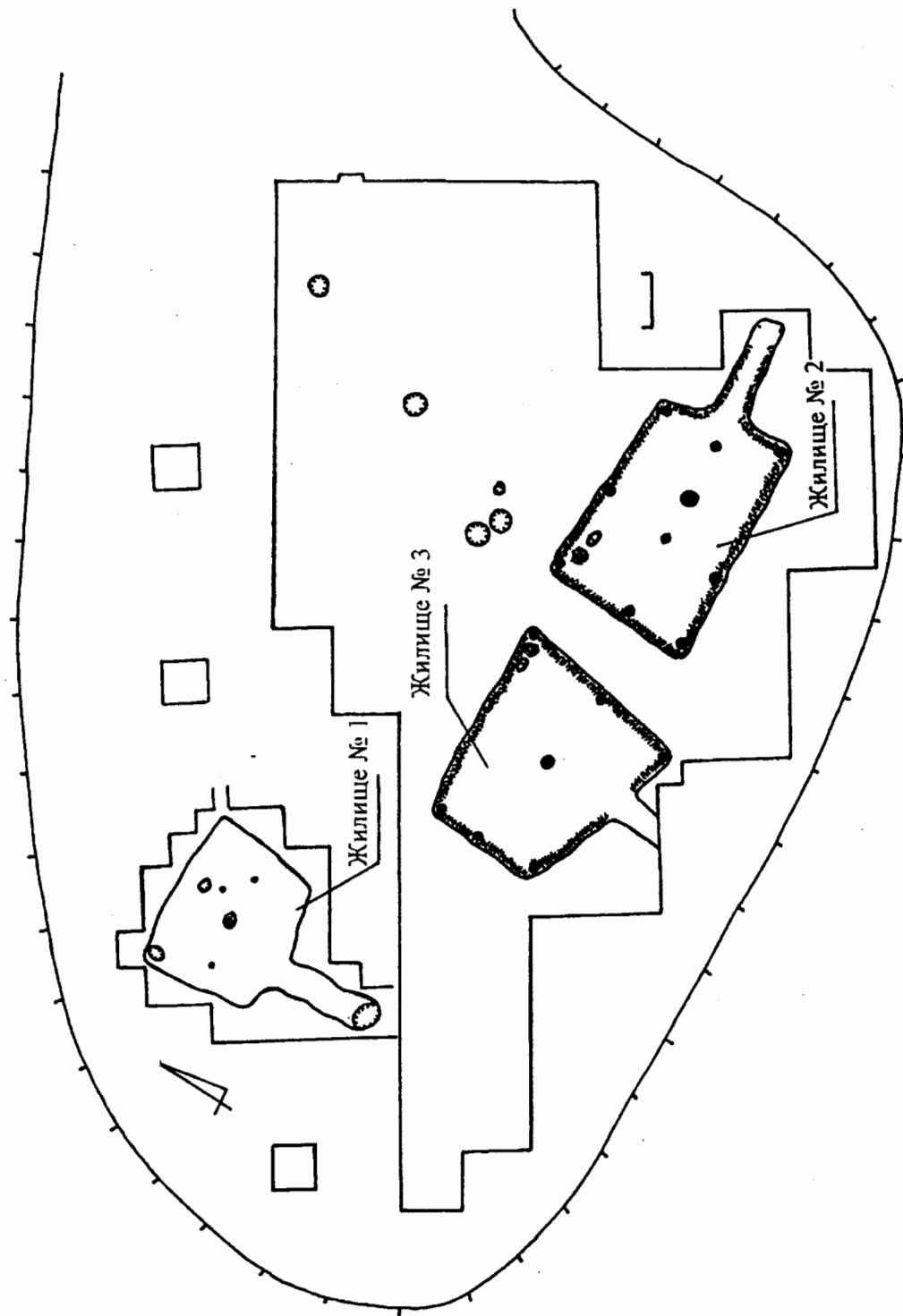

Рис. 1. План раскопов I и II на поселении Студенок-5

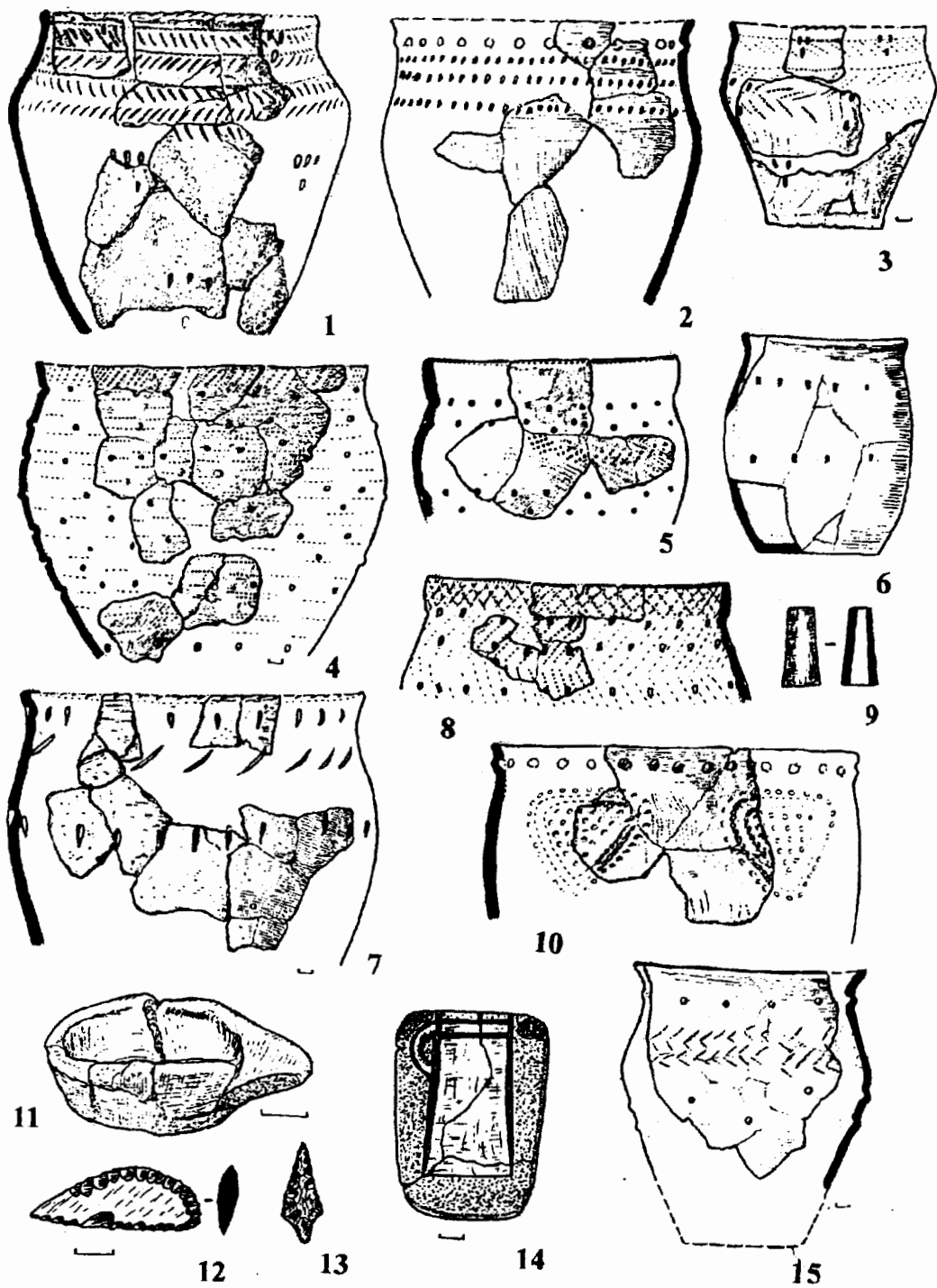

Рис. 2. Комплекс находок из жилища № 1

с бондарихинской культурой. По его же мнению, создатели этих памятников обитали в Подонцовье в позднекатакомбное или раннесрубное время [3, с. 77]. Близкую позицию в культурно-хронологическом определении памятников студенокского типа заняли С. С. Березанская, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, рассматривая их как составную часть памятников среднего (малобудковского) этапа единой марьяновско-бондарихинской культуры, но датировали их XIV–XII вв. до н. э. [4, с. 41–47, 5, с. 365–371, 6, с. 26–45, 7, с. 73].

В таком виде данная гипотеза воспринимается и поддерживается большинством исследователей и в настоящее время, хотя в литературе неоднократно предпринимались попытки пересмотра не только хронологии, но и культурной атрибуции студенокских памятников, о чем уже шла речь в одной из наших статей [8, с. 6–14]. Здесь же обратим внимание на то, что датировка поселения Студенок–5 в различных исследованиях определяется в довольно широком диапазоне — от XVII до XII в. до н. э. В соответствии с этим его обычно относят то к позднемарьяновским, то к малобудковским или раннебондарихинским памятникам. Б. Н. Граков считал возможным видеть в малобудковско-бондарихинских памятниках, включая и студенокские, «позднейшее развитие поздняковской культуры» [9, с. 199]. Наиболее полно эту гипотезу попытался обосновать С. И. Воловик. Согласно его выводам, поселения Студенок–5 и другие родственные ему памятники образуют ранний (студенокский) период малобудковского этапа бондарихинской культуры, датирующийся XV–концом XIII в. до н. э., а его керамический комплекс сформировался на основе традиций поздняковской культуры при участии племен раннесеточной и приказанской культур из Средней Оки и Волго-Камья [10, с. 20–21]. Об активизации северных лесных племен с ямочно-гребенчатой керамикой на финальном этапе позднего бронзового века и их значительной роли в сложении бондарихинской культуры писал и автор статьи [11, с. 40–41, 12, с. 8].

С целью внести ясность в понимание отмеченных вопросов, в 1986–1987 гг. нами были проведены новые раскопки на поселении Студенок–5. Общая вскрытая площадь на этом памятнике за два полевых сезона достигла 981 м². Одновременно экспедиция исследовала многослойное поселение Студенок–6, где удалось обнаружить и грунтовой могильник с урнами студенокского типа [8, с. 8–9].

В процессе раскопок на дюне в урочище Высокие Песочки (два раскопа и 15 шурфов) было установлено, что культурный слой позднего бронзового века занимал не всю ее поверхность, а размещался только на ее северо-западной оконечности. Практически весь он попал в пределы раскопа I Д. Я. Телегина и нашего раскопа II, в котором были исследованы три жилища, пять ям с бытовыми отходами и немногочисленные индивидуальные находки.

Раскоп II (рис. 1) был заложен вплотную к раскопу Д. Я. Телегина. За пределами котлованов жилищ, но вблизи от них, стратиграфия на памятнике имела следующий вид:

1. Дёрн	0–0,1 м
2. Серый надувной песок	0,1–0,2 м
3. Гумусированный песок	0,2–0,4 м
4. Светло-серый предматериковый песок ...	0,4–0,6 м
5. Белый материковый песок	с глубины 0,6 м.

Ближе к краям раскопа третий слой, в котором встречались преимущественно находки позднего бронзового века и незначительное количество предметов эпохи неолита и раннего средневековья, значительно выклинивался и достигал мощности не более 0,05–0,1 м.

Ниже даем описание результатов раскопок с соблюдением нумерации всех комплексов, обозначенных в ходе исследований Д. Я. Телегина.

Жилище 2. В плане оно имело четырехугольные, почти трапециевидные очертания (рис. 3, 1). Его длина 11 м, ширина 7 м. Площадь котлована около 77 м². С восточной (пойменной) стороны к нему вел коридорообразный вход длиной 5 м и шириной 1,0–1,3 м при глубине 0,3 м. Само жилище ориентировано по линии восток–запад. Это была наземная постройка с углубленным на 0,4 м в материк полом.

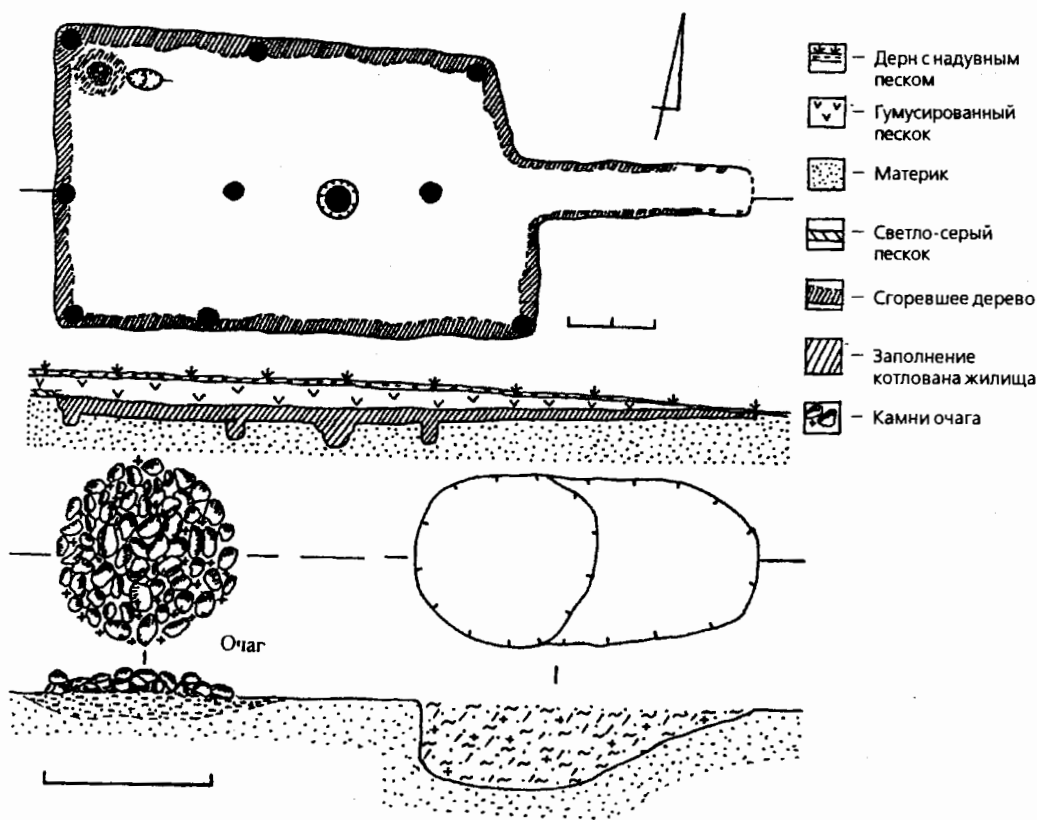

Рис. 3 Жилище № 2 и его очаг

На его дне расчищено 10 ямок от некогда вбитых столбов и очаг с предочажной ямой. Четыре столбовые ямки отмечены по углам котлована, а вдоль стен еще три такие же ямки. Все они круглые с диаметром 0,45–0,50 м при такой же глубине. В их заполнении был черный углистый песок в верхней части и темно-коричневый песок у дна. По центру, вдоль длинной оси, расположено ещё три ямки. Самая большая из них (диаметр 0,9 м, глубина 0,5 м) размещалась в центре жилища. Подобная система указывает на наличие двускатной крыши. В северо-западном углу (дальнем правом углу от входа) размещался очаг, сложенный из кусков рваного песчаника. Его диаметр 0,45 м. Все камни закопчены, песок под ними прокален и окрашен в черный цвет от древесных углей. В 0,4 м на восток от очага располагалась предочажная яма овальной в плане формы размерами 0,8×0,4 м. Ее дно, постепенно понижаясь в сторону очага, образует ямку глубиной 0,2 м (рис. 3, 2). Заполнение состояло из черного углистого песка, кальцинированных косточек животных, кремневых отщепов и мелких фрагментов керамики.

Практически все дно жилища было покрыто плотным слоем углистого песка, а вдоль стен котлована и входа отчетливо прослеживались контуры сгоревшего дерева шириной от 0,3 до 0,5 м. Скорее всего, это были остатки погибших в огне плетневых или дощатых стен, закрепленных на вкопанных по углам и вдоль стен столбах.

Почти все находки встречены возле очага и вдоль стен. Обнаруженная керамика представлена развалами и крупными обломками от 11 сосудов. Особенностью этого керамического комплекса является наличие в нем 10 горшков с корпусом яйцевидной формы и округлым или приостренным дном (рис 4, 1–7, 9–11). У семи таких сосудов отмечено воротничковое оформление венчиков с косыми или кососетчатыми оттисками

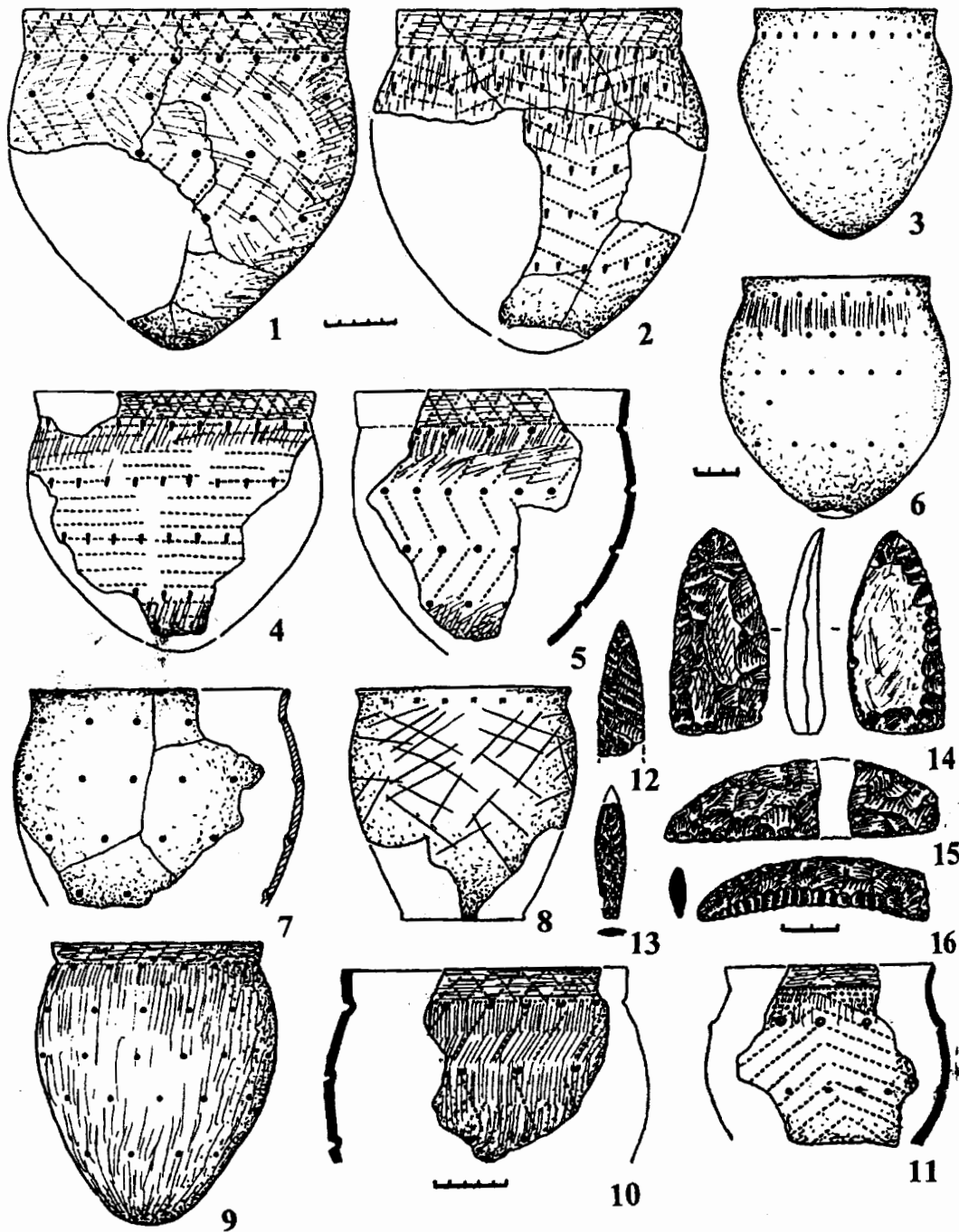

Рис. 4. Комплекс находок из жилища № 2

крупнозубчатой гребенки (рис 4, 1-2, 4-5, 9-11), а их корпус покрыт орнаментом из ямочно-гребенчатых композиций. Ямки чаще всего круглые, реже подпрямоугольные (тычковые). Расположенные горизонтальными рядами (от трех до шести), они чередуются с оттисками многозубчатого гребенчатого штампа, сгруппированными в горизонтальную или вертикальную «елочку». На внешней поверхности этих сосудов заметны гребенчатые расчесы. В одном случае, кроме перечисленных элементов орнамента, отмечены наружные выпуклины — «жемчужины» (рис. 4, 11). Еще у четырех круглодонных сосудов орнамент состоял из нескольких горизонтальных рядов круглых ямок (рис. 4, 6-7) или тычковых вдавлений у основания шейки (рис. 4, 3). Несомненно плоскодонным можно признать только один сосуд. Его слабопрофилированный корпус украшен пересекающимися резными линиями в сочетании с одним рядом тычковых вдавлений (рис. 4, 8). К изделиям из глины относятся два пряслица биконической формы.

Немногочисленные кремневые изделия относятся к предметам вооружения и орудиям труда. Это были наконечник дротика подтреугольной формы (рис. 4, 14), обломки двух листовидных наконечников стрел (рис. 4, 12-13) и два вкладыша для серпов луновидной формы (рис. 4, 15-16).

Жилище 3. В плане имеет трапециевидную форму (рис. 5, 1). Северная стена достигает в длину 10 м, южная — 8,5 м, восточная — 9 м, а западная — 5,5 м. Пол углублен в материк на 0,3 м. Общая площадь — 68 м². Ориентирована по линии запад-восток. Вход в жилище шириной 1 м и глубиной 0,3 м шел со стороны поймы и примыкал к южной стене. В пределы раскопа попал его участок длиной 2,3 м. Расстояние между жилищами 2 и 3 достигает 2,5-3,0 м. Примерно в 5 м к северо-западу от него располагалось жилище 1, раскопанное Д. Я. Телегиным.

Вся эта постройка также погибла в огне. По периметру ее котлована прослежены контуры от сгоревших стен и шесть столбовых ямок диаметром 0,4-0,5 м при такой же глубине. При этом 4 столба были вкопаны по углам жилища, а два — в средней части западной и восточной стен. Последние вместе со столбом, расположенным в центре котлована, видимо, поддерживали двускатную крышу. В северо-восточном углу обнаружен очаг, от которого сохранилась каменная вымостка диаметром 0,8 м и предочажная яма, примыкавшая к нему с западной стороны (рис. 5, 2). Отмеченные конструктивные особенности этого жилища чрезвычайно близки тем, которые мы зафиксировали в жилище 2.

Его керамический комплекс также мало чем отличается от посуды из предыдущего жилища. Всего здесь насчитывается 8 сосудов, 6 из которых оказались остро- и круглодонными, а 2 плоскодонными. Первые из них имеют корпус яйцевидной формы и воротничковое оформление венчиков с кососетчатыми оттисками гребенки (рис. 6, 1, 4, 6-9). У четырех таких экземпляров корпус украшен обычными для этого памятника ямочно-гребенчатыми композициями с гребенчатыми расчесами на внешней поверхности (рис. 6, 4, 6, 8-9). Корпус пятого сосуда с приостренным дном сплошь покрыт зонально расположенными круглыми и серповидными ямками в сочетании с одним рядом спаренных косых оттисков гребенки в его центре (рис. 6, 1). У шестого круглодонного сосуда орнамент состоит из крестовидных фигур, образованных оттисками гребенки, окаймленных сверху и снизу рядами спаренных круглых ямок (рис. 6, 7)

Плоскодонные сосуды имеют слабопрофилированные очертания и вытянутые пропорции. У одного из них основание шейки и плечики украшены двумя рядами тычков, а его внешняя поверхность тщательного заглажена (рис. 6, 2). Другой плоскодонный сосуд орнаментирован в верхней части корпуса тремя рядами коротких косых оттисков гребенки и гребенчатыми расчесами (рис. 6, 5).

Иные находки, кроме обломков костей животных и кремневых отщепов, на дне этого жилища не обнаружены. Создается впечатление, что кто-то после пожара извлек из него, как, впрочем, и из второго жилища, наиболее ценные, уцелевшие от огня предметы. Не исключено, что такие вещи были унесены обитателями этого поселка еще до пожара, уничтожившего все три жилища.

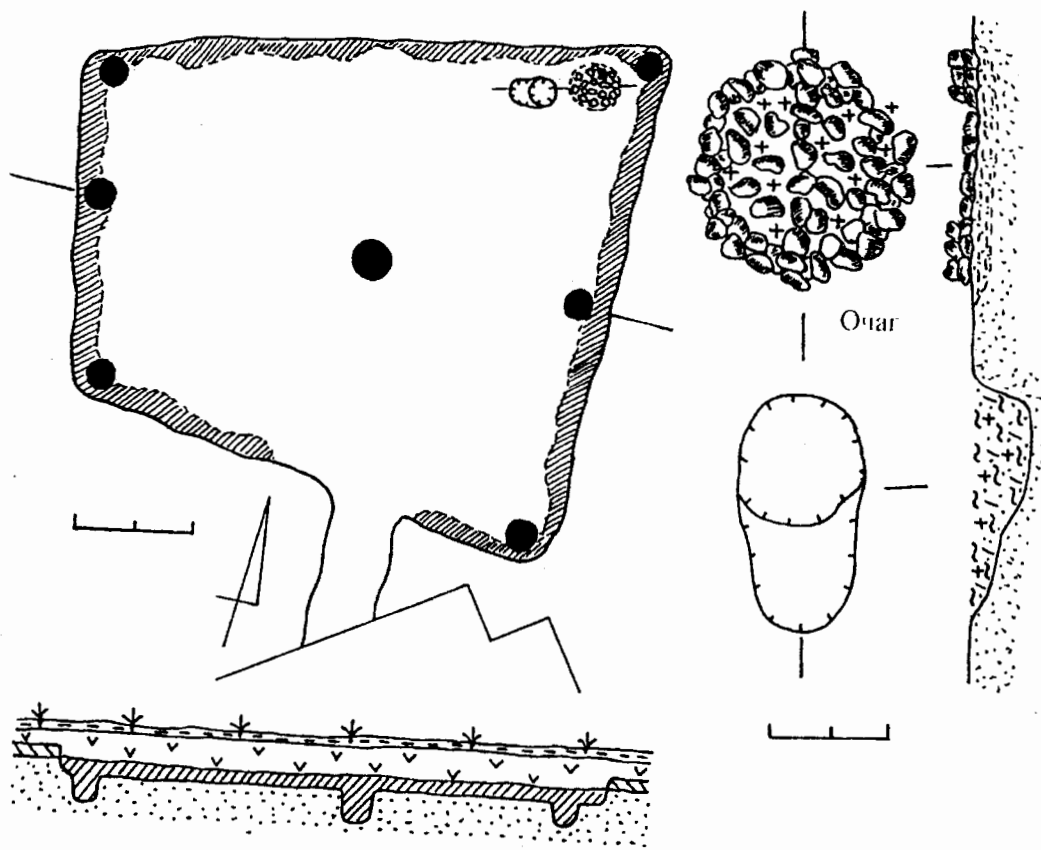

Рис. 5. Жилище № 3 и его очаг

К северу от жилища № 2 было расчищено пять мусорных ям, содержащих мелкие фрагменты керамики студенокского типа, обломки камней, глиняной обмазки и костей животных. В одной такой яме (№ 8) лежали обломки от глиняных «хлебцов» диаметром 10 см и фрагменты плоскодонного сосуда, орнаментированного ямками, образованными нажимом полый трубочки и «сеткой» из оттисков мелкозубчатого штампа (рис. 6, 3).

Устойчивость домостроительных традиций и однородность находок, зафиксированных в процессе раскопок этого памятника, позволяют считать, что здесь обитало несколько (не менее трех) близкородственных семей, занимавшихся земледелием и выпасом скота в пойме Северского Донца. Обитатели жилища № 1, кроме этих видов хозяйственной деятельности, обладали умениями и навыками бронзолитейного производства.

К сожалению, новые находки не дали однозначного ответа на вопрос о времени существования поселения Студенок-5. Кремневые изделия из жилища № 2 имеют довольно широкие хронологические рамки бытования и не могут быть использованы для определения времени его гибели. Однако близость конструкций всех трех жилищ и керамических комплексов из них, равно как и общая причина гибели от пожара, могут свидетельствовать об их синхронности. Если это предположение верно, то дату гибели поселения можно установить на основании находок из жилища № 1.

С
т
а
т
ь
и

В первую очередь необходимо обратить внимание на бронзовую колоколовидную подвеску, аналогичную украшениям белозерской культуры XII–X вв. до н. э. Напомним, что В. В. Отрощенко, анализируя подобные изделия, указывал на их встречаемость в венгерских и румынских комплексах периода HAa1, относящихся к XII в. до н. э. [13,

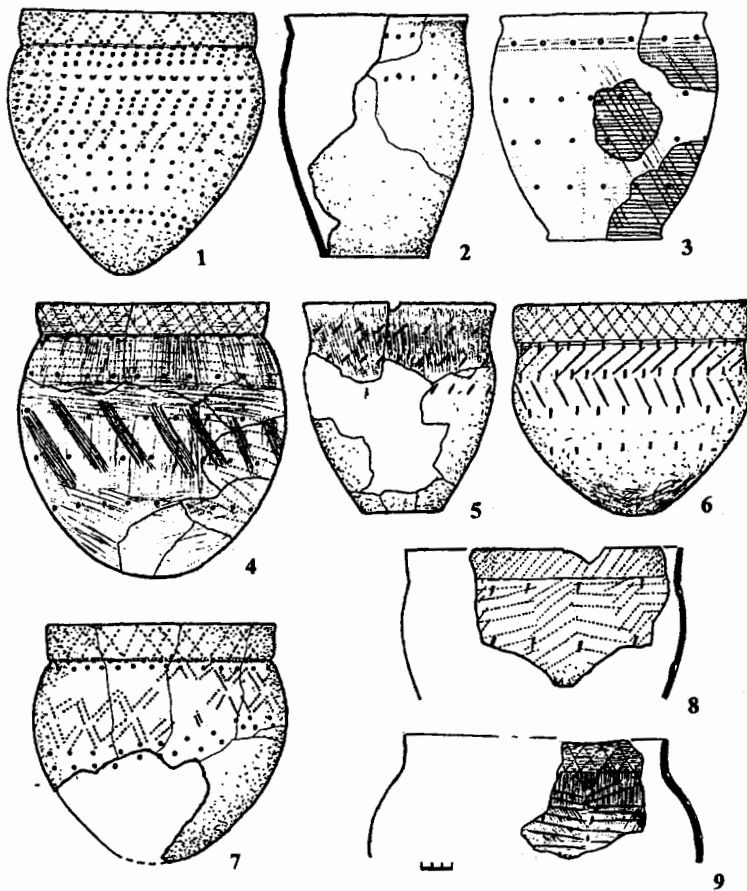

Рис. 6. Керамика из жилища № 3 и хозяйственной ямы

с 149; 14, с. 203]. На белозерских аналогиях студенокской подвески настаивала и С. С. Безанская, но все-таки суммарно датировала поселение XIV–XII вв. до н. э. [4, с. 461]. Причиной появления столь широкой даты послужило ее убеждение в синхронности кельтов из студенокской матрицы подобным орудиям из кладов у сел Деревянное и Зазимье, относящихся к XIX–XIII вв. до н. э. [4, с. 46–47]. Еще более ранним временем (XVI–XV вв. до н. э.) датировал находку из Студенка А. М. Лесков [15, с. 104]. С такими датировками категорически не согласен Е. Н. Черных. Отметив ошибочность подобных аналогий он уверенно включил ее в тип К-36, куда входят орудия из Вишенки Киевской обл. и Соколенского клада из Молдавии, являющимися продукцией кардашинского металлообрабатывающего очага XII/IX вв. до н. э. [16, с. 78, 190, 197–198], а сам памятник атрибутирован как раннебондарихинский [16, с. 78].

В пользу значительного омоложения памятников студенокского типа убедительно свидетельствует стратиграфия погребения с трупосожжениями в грунтовом могильнике, расположенном на территории поселка бережновско-маевской срубной культурно-исторической общности в 450 м к востоку от селища Студенок-5. Обнаруженные в нем погребальные урны и обломки посуды из тризны не оставляют сомнений в однокультурности этих двух памятников [8, с. 8–10]. Не повторяя подробное описание этого могильника, отметим лишь то, что все три погребения были впущены в культурный слой срубного поселения, которое надежно датируется по керамике и костяным черешковым наконечникам стрел XIV–XIII вв. до н. э. [17, с. 220–223].

В дополнение к ранее приводимым нами аргументам в пользу такой даты упомянем костяную застежку в форме округлого в сечении стержня с выемкой посередине [8, рис. 2, 19] из срубного жилища. Подобные изделия хорошо известны по раскопкам памятников в Закавказье, Сибири и на юге Восточной Европы, где они датируются с XIII в. до н. э. и до раннескифского периода [18, с. 133, табл. 17, 27. 19, с. 120, 124–126, рис. 8, 7; 20, с. 92–93; 21, с. 173, рис 3, 2].

Таким образом, нижняя граница существования поселения Студенок–5 и его грунтового могильника должна быть синхронной начальной дате белозерской культуры, т. е. относиться к XII в. до н. э.

В настоящее время памятники студенокского типа обнаружены и в других местах. Кроме упомянутых Д. Я. Телегиным пунктов, они известны в урочище Лысый Горб под г. Балаклея на Северском Донце [22, с. 174–179], у с. Малая Даниловка в окрестностях Харькова¹, у пос. Котельва (пункт № 3)² и у с. Головач (урочище Пинчуковы Горбы) на Ворскле [23, с. 32]. Ареал, топографические условия расположения этих памятников (дюны в поймах рек, первые надпойменные террасы) подтверждают гипотезу об участии их создателей в генезисе бондарихинской культуры. С памятниками типа Марьяновки их роднят мотивы орнаментации сосудов, состоящие из елочных композиций, разделенных горизонтальными рядами круглых ямок или тычков. Наличие ямочно-гребенчатой орнаментации, «жемчужин» и гребенчатых расчесов на внешней поверхности сосудов, указывает на культурно-хронологическую близость студенокских и малобудковских памятников. В частности, ближайшие аналогии некоторым сосудам из жилища № 1 можно найти среди малобудковской керамики поселения у с. Диброва в Среднем Подонцовье [24, с. 83, рис. 14, 1, 2, 5, 6]. В памятниках позднего периода марьяновской и раннебондарихинской культур представлены гладкостенные сосуды с плоским дном, орнаментированные горизонтальными рядами круглых ямок или тычков, обнаруженные во всех жилищах из Студенка.

Однако, несмотря на явную близость перечисленных групп памятников, поселения студенокского типа не могут рассматриваться только в качестве переходного периода в эволюционном процессе перерастания марьяновской культуры в бондарихинскую. Более того, они, по нашему мнению, не являются ни позднемарьяновскими, ни малобудковскими. Против такой трактовки выступают особенности студенокского домостроительства, преобладание в жилищах и на могильнике у с. Студенок круглодонных сосудов с воротничковым оформлением венчиков, украшенных косыми и кососетчатыми оттисками гребенки. Эти отличия не являются признаками эволюции, а указывают на участие в формировании этого типа памятников чужеродного этнокультурного компонента. Имеющиеся данные позволяют видеть в нем инфильтрат части населения восточного происхождения в марьяновско-малобудковский этнический массив, являющийся основой (суперстратом) развития племен единой марьяновско-бондарихинской культуры. К примеру, жилища с длинными коридорообразными входами и каменными очагами полностью отсутствуют в марьяновской культуре, но находят аналогии на поселениях с раннетекстильной керамикой [25, с. 236–252], приказанской (балыско-карташихинский и атабаевский этапы) и маклашеевской культур [26, с. 10–15; 27, с. 46, 56, 57]. Именно в них, особенно в двух последних культурах из Волго-Камья, широкое распространение получили круглодонные сосуды с воротничковым оформлением венчиков, украшенных косыми и кососетчатыми оттисками гребенки, ямочно-гребенчатой орнаментацией корпуса, применением «жемчужин» и гребенчатых расчесов [26, с. 99–100; рис. 62–112; 28, рис. 32–38], что может служить ориентиром в поиске наиболее реального источника этнокультурных влияний на процесс формирования бондарихинской культуры финального этапа позднего бронзового века. Значительно меньше в студенокском типе памятников заметны признаки их генетической связи с поздняяковской культурой. У них во многом отличаются погребальный обряд, домостроение, формы и ор-

¹ Разведки А. Г. Дьяченко в 1983 г.

² Разведки В. П. Андриенко в 1971 г.

наментация посуды. Упоминание Б. Н. Гракова о появлении в верхних слоях отдельных позднеяковских селищ на Цне в пределах Тамбовской области сосудов бондарихинских форм нельзя рассматривать в качестве подтверждения ее эволюционного развития по линии Поздняково-Бондариха. Подобная керамика действительно широко представлена на многих поселениях на Цне, Мокше и Средней Оке в пределах ареала поздняковской культуры [29, с. 98–106; 30, рис. 2], но она ни стратиграфически, ни типологически не связана с местными культурами позднего бронзового века. По форме и орнаментации это была посуда уже сложившейся бондарихинской культуры. Скорее всего, данное явление отражает проникновение части бондарихинского населения из Подонья в Среднее Поочье, а не наоборот. Именно поэтому Б. Н. Граков сделал одно очень важное замечание: «Родство бондарихинской и поздняковской культур представляется очень возможным, но пока еще все-таки гипотетично» [9, с. 199].

В пользу поволжских или волго-камских корней памятников студенокского типа могут свидетельствовать факты достаточно длительных контактов марьяновских племен с населением этих восточных регионов. Еще А. Х. Халиков обращал внимание на сближение приказанской и марьяновско-малобудковской посуды [26, с. 52]. С. С. Березанская отмечала проникновение образцов марьяновской керамики в Поволжье на примере поселения у хутора Воскресенского [4, с. 204]. Близкие аналогии некоторым марьяновско-бондарихинским горшкам с плоским дном мы находим среди приказанской посуды на Гулькинской стоянке [31, с. 5, рис. 26,1] и поселении у с. Тетеево [32, с. 182 рис. 13, 3].

Очевидно, что было и обратное продвижение на запад части населения из Поволжья. С ним мы связываем появление в Лесостепном Подонье поселения Копанице-2. А. Т. Синюк, исследовавший этот памятник, атрибутировал его как позднемарьяновский [33, с. 110–113], а С. И. Воловик — малобудковский [10, с. 11], с чем нельзя согласиться. Дело в том, что абсолютно все сосуды из копаницевского жилища находят полные аналогии только в керамике башимско-карташинского этапа приказанской культуры XIV–XIII вв. до н. э. [26, рис. 26,14; 30, 110–113; 37, 71–72, 98]. Обратим внимание и на факт наличия грунтового захоронения по обряду трупоположения с маклашеевской бронзовой налобной бляшкой, обломком двуспирального очковидного височного кольца и лепным горшком у с. Соколово на Харьковщине [34, с. 12, рис. 2, 3, 6, 7]. Маклашеевские племена в XII–IX вв. до н. э. также предпринимали попытки освоения низовий Волги и Дона [35, с. 187–188]. В результате этого продвижения у них могли складываться новые элементы материальной культуры. В частности, поразительное сходство в керамике и кремневой индустрии обнаруживается между поселением у с. Ивановка Хвалынского района Саратовской области, ранее ошибочно относимого к эпохе неолита [36, с. 29, рис. 1–3], и селищем Студенок-5.

Последнее замечание, с учетом близости традиций в домостроении, устройстве очагов, изготовлении круглодонной посуды с «воротничковым» оформлением венчиков и применении ямочно-гребенчатой орнаментации, позволяет рассматривать носителей маклашеевской культуры в качестве одного из компонентов в сложении не только памятников студенокского типа, но и всей бондарихинской культуры. Отмеченное выше своеобразие керамического комплекса поселения Студенок-5 и его могильника как раз и объясняется слиянием пришедшего поволжского этнического элемента с местным раннебондарихинским (малобудковским) населением, генетически связанным с племенами марьяновской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. — Изюм, 1928. — Вып. 3.
2. Телегин Д. Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці (1950–1951 рр.) // АП УРСР. — 1956. — Т. 6.

3. Телегин Д. Я. Оскольская экспедиция 1955–1956 годов//КСИА АН УССР. — 1959. — Вып. 8.
4. Беззанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982.
5. Беззанська С. С., Іллінська В. А. Мар'янівсько-бондарихінська культура//Археологія УРСР. — К., 1971. — Т. 1.
6. Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века//СА. — 1961. — № 1.
7. Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода//СА. — 1965. — № 1.
8. Буйнов Ю. В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы//Древности. — Х., 1994.
9. Граков Б. Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). — М., 1977.
10. Воловик С. И. Бондарихинская культура (проблемы происхождения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1996.
11. Буйнов Ю. В. О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века//Проблемы археологии Сумщины. Тез. док. — Сумы, 1989.
12. Буйнов Ю. В. Пам'ятки мар'ятської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні//ВХНУ. — 2000. — Вип. 32.
13. Отрощенко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени//Скифский мир. — К., 1975.
14. Отрощенко В. В. Белозерская культура//Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
15. Лесков А. М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы//Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. — К., 1967.
16. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976.
17. Буйнов Ю. В. Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей//Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001.
18. Членова Н. А. Хронология памятников карасунской эпохи. — М., 1972.
19. Дэвлет М. А. Памятник «скифского» времени в Северо-Восточной Туве//Первобытная археология Сибири. — Л., 1975.
20. Буниятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. — Баку, 1957.
21. Коренько В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона//СА. — 1972. — № 3.
22. Воловик С. И. Поселения эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце//РА. — 1993. — № 3.
23. Супруненко О. Б. Матеріали до археологічної карти Нижнього Поворскля//Пам'ятки археології Полтавщини. — Полтава, 1991.
24. Гершкович Я. П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье–Северо-Восточное Приазовье–Поддонцовье)//АА. — 1998. — № 7.
25. Фоломеев Б. А. Жилища стоянки Фефелов Бор I//Археология Рязанской земли. — М., 1974.
26. Халиков А. Х. Приказанская культура//САИ. — 1980. — Вып. В1–24.
27. Обьеденнов М. Ф. Археологическая культура конца бронзового века Прикамья. — Уфа, 1998.
28. Колев Ю. И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье//История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000.
29. Алихова А. Е. Некоторые древние городища Мордовской АССР//Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. — 1959. — Т. II.

30. Розенфельд И. Г. Северный мыс городища Старая Рязань//Археология Рязанской земли. — М., 1974.
31. Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Прикамском Поволжье и Нижнем Прикамье //МИА. — 1960. — № 80.
32. Калинина Н. Ф., Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. //МИА. — 1954. — № 2.
33. Синюк А. Т. Стоянка Копанице-2//Эпоха бронзы Восточно-Европейской Лесостепи. — Воронеж, 1981.
34. Буйнов Ю. В. Об этнокультурных взаимосвязях племен бондарихинской и срубной культур //ВХДУ. — 1999. — Вып. 31.
35. Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001.
36. Васильев И. Б., Непочатых В. А. Ивановская стоянка//Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1977.

Summary

Yu. Buynov. Summing-up of Archeological Excavation of the Settlement Studenok-5 and Some Questions of Genesis of Bondarikhinskaya Culture

This article contains summing-up of the research of the Late Bronze Age settlement Studenok-5 in the Kharkov region. On the grounds of the information on house-building, ceramics, household products and tools, the author of the article concludes that this monument has appeared in the basin of Seversky Donets in XII century B.C. in consequence of penetration of a part of tribes of Maklashevskaya culture from the east. Together with carriers of Maryanovskaya culture they have taken part in formation of Bondarikhinskaya culture.

